

Одетый в монашеское одеяние, лжемонах окроплял их собачьей кровью и, смешивая её с киноварью, выводил на свадебных нарядах Талисман Запирания Души, бормоча под нос: Иньская дева усмирит засуху, дитя призовет повелителя драконов.

— Сестренка... — Бай Сюнь внезапно почувствовал, как к нему в объятия уткнулась худенькая девчушка. Это была восьмилетняя соседка.

Малышка издала горлом жалобный всхлип, похожий на скулеж зверька:

— Мне так страшно...

Бай Сюнь попытался обнять её, но его руки, стянутые пеньковой веревкой до синевы, не слушались.

Родители, стоявшие под алтарем, с нескрываемым ожиданием и уверенностью в своей правоте наблюдали за происходящим. Лишь вдова Ван с криком бросилась вперед:

— Верните мою Нюню...

Вторая половина фразы захлебнулась в глухом стене: стоявший рядом мужчина ударил её коромыслом, оглушил и утащил прочь.

Пол из синего кирпича внезапно разверзся, и Бай Сюня вместе с девочками столкнули вниз.

В лицо ударил смрад гниения. Он рухнул на останки девочек, принесенных в жертву ранее, и что-то острое пронзило его ключицу.

Задрав голову, он увидел, как староста деревни сыплет в провал клейкий рис:

— Молитесь усердно за благополучие деревни.

В тот момент, когда талисман запечатал вход, все звуки стихли.

Маленькая девочка начала биться головой о стену. А-Сян нащупала её руку и, стараясь говорить мягко, принялась тихо напевать:

— Не бойся, сестренка споем тебе...

Мелодия оборвалась, едва начавшись — на лицо Бай Сюня брызнуло что-то теплое.

Это была размозженная голова А-Сян.

В подземном склепе начала просачиваться вода. Не спасительная влага, а вязкая жижа,

смешанная с известью.

Бай Сюнь почувствовал, как сначала забились ноздри, а следом — уши.

Малышка в его объятиях дернулась пару раз и затихла. Он сам в кровь сдирает ногти, пытаясь зацепиться за щели в кирпичах, а из горла вырывается хрип.

Бай Сюнь слышал, как сместились его собственные шейные позвонки — только сегодня он узнал, что перед самой смертью от удушья слух становится невероятно острым.

Сверху донеслись радостные крики, от которых посыпалась известь.

Ликование постепенно сменилось звоном в ушах. Из штанин выползло что-то склизкое — он не понимал, что это, но догадывался: должно быть, его собственные внутренности.

Когда погас последний луч света, он слышал торжествующий крик:

— Дождь! Наконец-то пошел дождь! Повелитель драконов принял невесту...

Бай Сюнь очнулся, захлебываясь кровью.

Алтарь в реальности превратился в поле боя. На ветвях старой софоры висели тела, а женский призрак, раскачиваясь, выдавливал из гниющих связок слова детской песенки:

— Красные туфли, зеленый подол,

Год засухи в поле, где колодец зашел.

Надень обновку, приколи цветок,

Невеста идет в драконий чертог.

Девчонка-сиротка — грош в базарный день,

Три палочки дыма на алтарь, словно тень.

Красный платок по камням прополз,

Шесть деток у храма — не видно их слез.

Божество на дне не проронит ни слова,

Малышка под плитами, в яме сурова.

Шесть сестер сплелись руками,

Чьи могилы свежи меж холмами?

Софора плачет кровавой слезой,  
Золотой замок стал пылью пустой.  
Семь раз треснул кирпич в святилище,  
Вороны клюют ритуальное приношение,  
Красные туфли вновь у порога...

Внук старосты грыз голову того самого мальчика, который двадцать лет назад бросал в колодец коровий навоз. Сам староста вгрызался в собственную руку, словно в куриную ножку.

— Остановись! — рука Бай Сюня, державшая меч из медных монет, дрожала. Клинок скользнул по белой кости запястья Костяной девы. — У их грехов есть причина и следствие, не множь убийства!

Когда Костяная дева повернула голову, её шейные позвонки издали неприятный хруст.

Заколка из ребра, ставшая артефактом, слегка покачивалась в волосах, испачканная свежими мозгами. Она посмотрела на Бай Сюня:

— Маленький даос, ты ведь сам испытал это чувство. Теперь хочешь мне помешать?

— Ты должна послушно отправиться на перерождение! Если продолжишь убивать, станешь Злым духом и никогда не обретешь покоя! — в голосе Бай Сюня сквозила ярость, смешанная с болью.

— Ха, перерождение? Быть человеком — это так здорово? Ты думаешь, мы мечтаем стать людьми? Как меня назовут в следующей жизни?! — в её глазах, отражающих его жалость, не было радости — лишь отчаяние.

Словно ребенок, который всегда был послушным, вдруг совершил что-то ужасное.

Бай Сюнь лишился дара речи.

Красный силуэт продолжал смотреть на хаос. Он указал на пять скелетов и произнес:

— Они все ждут перерождения. Если ты продолжишь убивать невинных здесь, они никогда не смогут уйти. Ты этого не хочешь, но как же они? Твоя восьмилетняя сестренка тоже не хочет переродиться?

— Мне плевать! Я убью их! И вас тоже! Вы все не стоите ничего! Убью! — из пустых глазниц скелета потекли кровавые слезы.

— Убивай, никто не мешает. Тех, кто заслужил, — убей, а остальных оставь. Хватит, ты уже погубила несколько случайных людей, чуть не убила еще двоих. Продолжишь — не то что ты, даже они в следующей жизни попадут лишь на Путь Животных, — холодно бросил Танси Чэнь. Он смахнул талисман, подавлявший их.

Он с самого начала не мешал ей мстить, он лишь хотел спасти Бай Сюня и его отца. Что до остальных жителей деревни — он не знал, можно ли считать невинными тех, кто смотрел на всё сквозь пальцы. По-настоящему невинными могли быть лишь Бай Сюнь и его отец, пришедшие сюда по заданию.

— Ты... — скелет замер, увидев, что печать, сдерживающая Костяную деву, исчезла.

— Сестры и сестренка правда смогут переродиться? — эта печать была наложена тем лысым монахом, чтобы они не могли пройти через Врата Перерождения.

На самом деле, ей самой не хотелось вечно крутиться в этом цикле пыток. Она думала: если нельзя переродиться, то лучше уж развеяться в прах.

У Костяной девы с хрустом отвалилась рука, но она тут же подобрала её и приставила на место.

— Будешь убивать или нет? — Танси Чэнь, зажав между пальцами Талисман Перерождения, нетерпеливо подгонял её.

У него уже желудок сводило от голода.

К чему эта медлительность в мести? Да, они жалки, но это не значит, что всё ими содеянное — правильно.

Бай Сюнь не знал, что сказать. Он повернулся к отцу, помог ему подняться и отвел подальше от этого места.

Он коснулся груди — своей и отцовской. Лезвия прошли мимо сердца. Но он знал: если бы не Танси Чэнь, они бы погибли.

— Хорошо! — она подняла руку, направляя камни и песок со всех сторон на тех десятерых, кто больше всех пострадал от дождя. Камни заживо погребли их, точно так же, как они когда-то хоронили девочек.

Она слушала их крики, боль и отчаяние, наблюдая, как остальные жители деревни пытаются голыми руками разгрести землю, чтобы спасти их, но всё тщетно.

Наконец она сорвала с себя кожу женского призрака и вновь стала худенькой десятилетней

девочкой.

Она видела, как человек из иллюзии раз за разом пытался их защитить, поэтому снова, по-глупому, доверилась ему. Если её снова обманут, тогда...

Она медленно опустилась там, где лежали пять скелетов, и вновь превратилась в маленькую кучку костей.

Талисман в пальцах Танси Чэня вспыхнул и полетел к шести скелетам. Те мгновенно рассыпались белым дымом и исчезли.

Вместе с ними исчезла и ткань, в которую были завернуты тела девочек. На ней смутно угадывались иероглифы «Ин-ди» (Призывающая младшего брата). Он вздохнул:

— В следующей жизни... всё обязательно будет хорошо.

В этом клочке дыма Бай Сюнь смутно слышал голоса девочек и увидел их жизни: рождение, пренебрежение из-за того, что они девочки, издевательства, жертвоприношение, второе заточение недоучкой-монахом и утрата права на перерождение...

Вот оно что. Они даже не хотели мстить — это началось лишь после второго заточения.

— Сестренка, я хочу вырасти. Когда вырасту, меня не будут бить...

— Сестренка, мне больно...

— Сестренка, папа и мама едят мясо и пьют вино, почему мы не можем досыта поесть даже помоев...

— Сестренка... а! М-м... — это был звук заливаемого бетона.

— Сестренка... может, после смерти будет не так больно...

— А! Почему... мы заперты здесь навсегда.

— Кровь даоса и души более двадцати человек могут открыть Врата Перерождения... — голос раздался неизвестно откуда.

— Кровь даоса и души более двадцати человек могут открыть Врата Перерождения, — повторил голос призрака.

Ветер трепал одежду немногих выживших калек из деревни. Бай Сюню почудился смех сестер в их самые счастливые моменты.

Но, сжимая в ладони конфету, он вдруг вспомнил гнилые овощные листья, которые в иллюзии протянула ему третья сестра.

Она сказала, что они сладкие. Оказалось, до самой смерти никто так и не научил их, что такое сладость.

Даже их месть была по-детски наивной — их этому научили другие.

<http://bllate.org/book/22283/2333108>